

Натэлла Войсунская

Но если ты не призрак, если ты живая плоть, возьми урок с природы.
Иосиф Бродский

В течение двух с половиной месяцев в стоковольском Национальном музее изобразительных искусств проходила выставка «Тело. Искусство и наука». В масштабном выставочном проекте наряду со шведскими представлены музеи Германии и Нидерландов, Польши и Дании, Великобритании, Франции и России. Изобразительное искусство и наука не случайно объединились в рамках одной выставки, чтобы показать сходства и различия между художниками и учеными в восприятии и изображении человеческого ТЕЛА, поскольку оно на протяжении веков было и есть одним из самых главных объектов и художественного восприятия, и естественно-научного познания. Как тогда говорили, *magnam ignotum* и *mysterium magnam* – великое неведомое и великое чудо.

ТЕЛО

Искусство и наука

Концепция выставки, столь лаконично и недвусмысленно сформулированная в самом названии, не вводила многочисленных зрителей в заблуждение, однако паритетное представление художественной и научной ее составляющих, безусловно, обескураживало. Наверное, потому, что в нашем восприятии произведений изобразительного искусства нет места «самости». Прекрасные Венера и Аполлон, изваянные в мраморе, написанные на холсте или нарисованные на бумаге, – это ведь не мы, это некое идеальное представление о том, какими нам бы хотелось быть. А, казалось бы, ничейные восковые анатомические скульптуры, в том числе с частично снятой кожей, «экорше», или старинные рисунки и гравюры, детально воспроизводящие мышцы и сосуды человека, – это мы. Внутри, под кожным покровом, все в основном одинаковы – так что ходи по выставке и смотри, что у тебя под черепной коробкой, как соединены мышцы спины, как располагается плод в утробе матери...

Идеальное и реальное в непосредственной близости и сопоставлении – такова эта стоковольская выставка, охватывающая пять веков параллельного изучения и изображения человеческо-

го тела. «Начало начал» в искусстве – анатомические рисунки великого Леонардо да Винчи из коллекции королевы Великобритании, которые были выполнены между 1485 и 1515 годами, и современность – хрустальная скульптура Анни Каттрелл «Доступ воздуха» (1998), изображающая легкие человека, и великолепная скульптура из розового мрамора Луизы Буржуа «Скрещенные ноги» (1990). В промежутке между XV и XX веками – непревзойденные мастера изображения человеческой плоти: Дюрер и Рембрандт, Рубенс и Йорданс, Рибера и Энгр... Яркое, хотя и не столь масштабно, представлено на выставке актуальное искусство. Тут и «играющая» собственным телом голландка из бывшей Югославии Марина Абрамович (тело художника принадлежит публике, считает она), и исследующая себя изнутри англичанка палестинского происхождения Мона Хатум, и постоянно меняющая свое лицо французская художница Орлан.

А вместе с ними и рядом с ними – ученые мужи, чьи славные имена также принадлежат истории и чьи достижения безмерно способствовали расцвету как науки, так и изобразительного искусства, пусть даже известность их ныне уступает

Художник, рисующий женщину. 1538
Гравюра на дереве по работе Альбрехта Дюрера

The Artist Sketching a Woman. 1538
Woodcut from Albrecht Durer

Приписывается Симону Луттихейсу. Натюрморт с черепом. Около 1635–1640
Холст, масло. 47 × 36

Attributed to Simon Luttichuys. Still Life with a Skull c. 1635–1640
Oil on canvas 47 by 36 cm

громкой славе художников-гениев. Назовем, к примеру, Джулио Кассерио – автора опубликованного в 1600–1601 годах труда по истории анатомии. Или известного анатома Андреаса Везалия: на выставке представлена его книга, напечатанная в 1543 году, и надо признать, что отдельные иллюстрации из этой замечательной книги до сих пор фигурируют в учебниках анатомии для живописцев. И, наконец, Фредерика Рюйша с его «Тезаурусом по анатомии» (1701–1716); закупленная Петром I коллекция Ф. Рюйша составила основу петербургской Кунсткамеры.

Выставка наглядно доказывает, что развитие искусства и науки в их сближениях и расхождениях происходит по спирали. Пять веков назад художник и ученый-анатом буквально дополняли друг друга, если не совмещались в одном лице (так, по утверждению Х.Вейсмана, крупнейший голландский пейзажист Якоб ван Рёйсдал был и хирургом, причем, по некоторым данным, даже мог слушать лекции Ф.Рюйша). При отсутствии средств механической фиксации увиденного самые скрупулезные наблюдения эскулапов были бы бесполезны, ибо полученные знания не могли передаваться ни колле-

The BODY Art and Science

Natella Voiskounski

The human body was, is and always will be at the centre of attention for both art and science; it is the point where all paths meet, both asking questions and finding answers. The human body inspires and disgusts, it is idealized and distorted, exhibited and hidden, exteriorized and interiorized, yet remains the "terra incognita" to which all roads lead.

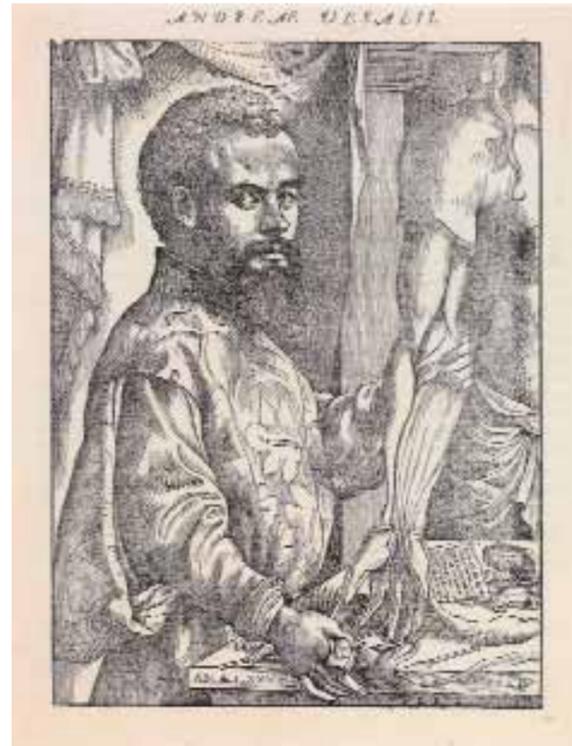
The idea of combining art and science in one exhibition project was a real success, since not only hundreds of years ago but also today science (and especially medicine) and art remain united in the attempt "to understand the body".

The Stockholm Nationalmuseum showed the fascinating results of various Renaissance studies. The Renaissance man – an artist or a man of medicine – was not satisfied with a purely ideal or proportional approach to the human body. The need to gain an impression more significant than "what-the-eye-sees" led both artists and scientists to the idea of "using" death in order to study life and the living. In this, joint efforts were needed, since at that time no means of any long-term fixation of images existed. Thus, either a scientist needed to be a good artist, or an artist needed to be present and make drawings at the dissection table.

The very right to dissect a dead body was a breakthrough against the position of the Church, one which once achieved has continued to the present day as a source of scientific knowledge and artistic qualification, since it enabled the realization of the complex mechanisms of the action of the human body. Results included drawings by Leonardo da Vinci from Britain's Royal collection, as well as his "Homo ad Quadratum et ad Circulum" from the Louvre; and the engravings by the anatomist Andreas Vesalius from the Hagstromer Medico-Historical Library. Both these outstanding figures provide a starting point from which to view the results of 500 years of cooperation between artists and physicians to depict, visualize, acquire knowledge of and cure the human body. As the curators state: "Penetration, excoriation, illumination of the human body (subsequently per-

Magnum Ignotum and Mysterium Magnum

The exhibition "The Body. Art and Science" proved a major attraction in Sweden this Spring, with its eternal, all-embracing search for a distinctive identity finding brilliant and eye-catching realization at Stockholm's National Fine Arts Museum. Its curators and contributors to the catalogue (published in Swedish, with an English summary) included Torsten Weimarck, Merten Snickare, Eva-Lena Bengtsson, Ove Hagelin, Mens Holst-Ekstrum, Karin Siden, Ulrika Nilsson, Eva Ehren Snickare, Solveig Julich, and Ingela Lind. The two forewords to the catalogue were written by Solfrid Soederlind and Jan Lindsten. Generous contributions from museums and private collections from the Netherlands, Germany, Russia, Great Britain, France, Poland and Denmark to the exhibition made the result a major international project.

Портрет Андреаса Везалия
Гравюра на дереве из книги "De humani corporis fabrica libri septem". 1543

fectured with the help of X-rays and other techniques) probably constitutes the greatest, most variegated and singly most important project in Western culture from the Renaissance onwards."

The artistic component of the exhibition is supported by the scientific: Camera Obscura and Camera Lucida added accuracy to the process of drawing. As Leonardo da Vinci wrote of Camera Obscura: "Who would believe that so small a space could contain the image of all the universe? O mighty process!" (On a contemporary note, the artist Abelardo Morell uses Camera Obscura in his photographs. One can see his upside-down houses, both strange and delightful, at the Art Institute of Chicago, at the exhibition "A View with a Room"). X-ray apparatus, computer diagnosis with colour picture on a computer screen, and other effects have opened another horizon to contemporary artists.

Anatomical drawings of the body, along with richly illustrated medical treatises, wax casts, sculptures, paintings, photographs and installations, dominate the Stockholm exhibition. Leonardo da Vinci's drawings appear in parallel with the video installations of Mona Hatoum, Rembrandt's "An Eye Operation" with Annie Cattrell's fine glass sculpture of the human lungs "Access", Jacob Jordaens "King Candaules of Lydia Showing his Wife to Gyges" with Louise Bourgeois' pink marble sculpture "Jambes Enlacées", Annibale Carracci's red chalk drawing "Reclining Nude Youth" with Lenart Nilsson's "Intestines of a New-born Baby", Auguste Rodin's graphic work "Seated Female Model" with Marc Quinn's marble

Аннибале КАРРАЧЧИ
Лежащий обнаженный юноша
Красный мел на бумаге
35.3 x 39.2

"If anything is sacred the human body is sacred."
Walt Whitman

гам, ни тем более живописцам. Таким образом, от анатомов требовалось владеть художественным мастерством, или... или при вскрытии необходимо было присутствие художника. Примеры тому – работа Рембрандта «Урок анатомии доктора Деймана» (1656) или представленное на выставке полотно Адриена Бакера «Урок анатомии доктора Фредерика Рюйша» (1670). А если вспомнить анатомические объекты в не столь специальных живописных сюжетах, то они поистине изобильны: одних только натюрмортов с черепом написаны сотни. Да и сами врачи вызывали у художников непосредственный интерес. Например, Каспар Кенкель написал портрет Улофа Рудбека-старшего (1687), Давид Рикерт мастерски изобразил кабинет анатома (1639), Ян Мауритс Кинкхард написал групповой портрет представителей гильдии хирургов Амстердама (1744), урок по остеологии в 1619 году зафиксировал Николас Элиас Пикеной, а Ян ван Нек в 1683 году – урок анатомии доктора Фредерика Рюйша. Наверное, в представлении обычной публики анатомы и живописцы были так близки, что не всегда различались, и их, бывало, в одинаковой мере побаивались. И тем и другим нередко приписывали невозможные поступки, даже злодеяния – откуда иначе взяться легенде, упомянутой, к примеру, А.С.Пушкиным:

*А Бонаротти? <...> и не был
Убийцею создатель Ватикана?*

Если античность, руководствуясь идеальными пропорциями человеческого тела, переносила их в архитектуру («...этот утонченный храм – всего лишь математическое изображение одной девицы из Коринфа...» – цитирует древнего автора Филипп Комар, чья превосходная книга «Искусство и человек» недавно переведена на русский язык), то в эпоху Возрождения художников перестало удовлетворять «математическое» описание тела. Тем не менее надо отметить, что теория пропорций вдохновляла и Леонардо да Винчи («Человек Витрувия», ок. 1492), и Дюрера, и Фра Луку Пачоли (в 1509 году этот монах-францисканец опубликовал свою работу "Divina Proportione", т.е. «Божественная пропорция»). А Пьеро делла Франческа, чтобы написать лицо человека в перспективе, производил измерения порядка ста тридцати точек – подход более чем научный, знакомый и антропометристам, и – впоследствии – создателям программ сканирования изображений.

Питер Пауль РУБЕНС
Сусанна и старцы. 1614
Холст, масло
66 x 51

Однако ни умозрительная, ни количественная составляющая идеальной красоты не удовлетворяли пылливый ум человека эпохи Возрождения. Врата античности – porta antiqua – были наглухо заперты: даже самый известный из древнегреческих эскулапов Гиппократ

Ян МАССЕЙС
Венера Киферея. 1561
Холст, масло. 130 x 156

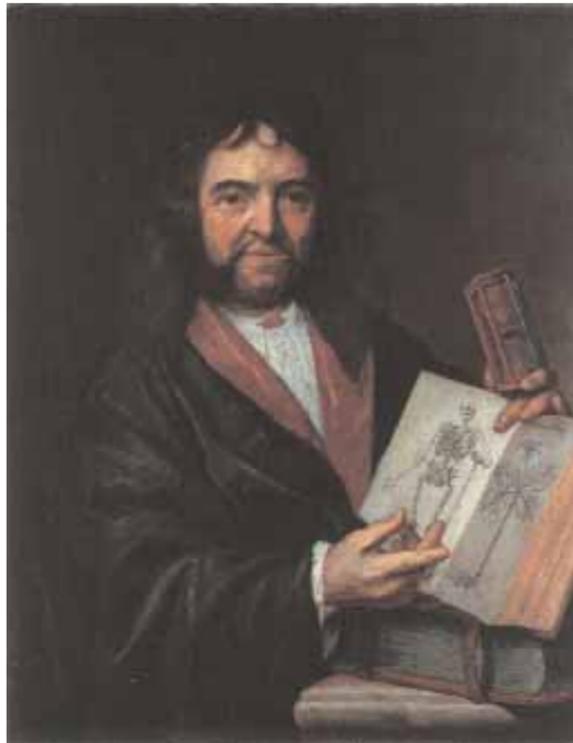
Jan MASSYS
Venus Cytherea. 1561
Oil on canvas
130 by 156 cm

не произвел за свою жизнь ни одного вскрытия. Художникам уже мало было только наблюдать, – для того чтобы понимать и тем более изображать сильные эмоциональные состояния, резкие жесты, движения конечностей и повороты тел, им нужны были знания о том, каким образом и с помощью каких мышц совершаются все эти движения.

Восхищаясь превосходным умением Антонио Поллайоло изображать человеческое тело, Джорджо Вазари объяснял это так: «Он понимал обнаженных лучше всех своих предшественников, потому что изучал анатомию, сдирая с трупов кожу, чтобы понять, как сокращаются мышцы...» Действительно, даже небольшие работы Поллайоло, хранящиеся в галерее Уффици во Флоренции (например, «Геракл и гидра»), служат тому подтверждением.

И Леонардо, и Рафаэль, и Микеланджело, и Челлини в своем творчестве опирались на опыт вскрытий, как бы совмещая понятия «видеть» и «знать». В своих «Дневниках» Леонардо писал: «Я препарировал с десятком человеческих тел, копался в каждом органе, раздвигал мельчайшие частицы плоти...» – ему разрешили делать вскрытия в больнице Санта-Мария Нуова во Флоренции. А после встречи с великим анатомом Марком Антонио делла Торе Леонардо якобы даже планировал написать – или нарисовать? – учебник... Анатомы вдохновляли и поэтов.

sculpture "Jamie Gillespie", Albrecht Durer's drawings with Georg Pauli's "Youths Bathing", Jan Massys' "Venus Cythereia" with Orlan's mad-artistic-medical experiments. Group portraits of famous physicians' and anatomists' classes and their attentive disciples (August Malmstrom's "An Anatomy Lesson with Professor Carl Curman") also figure.

The informational and educational effect of the exhibition cannot be overestimated. Natural human curiosity and aesthetic attitudes are satisfied equally: within the exhibition space the viewer's attention switches from medical atlases to better-known (and formerly seen in museum settings) classical paintings and sculptures, following almost all the stages of the development of art and medical science. Death and autopsy become both a point of departure and a starting point to derive knowledge and to study life. The Stockholm exhibition presents a wide spectrum of scientific heritage. Here one can see the incunabula "De Humani Corporis Fabrica Libri Septem" of Andreas Vesalius which later inspired Charles Baudelaire to include in his "Fleurs du Mal" ("Flowers of Evil") the verse "Le Squelette Laboureur" ("Skeleton with a Spade"):

*"In the anatomical plates
That lie about on dusty quais
Where many cadaverous books
Sleep like an ancient mummy,
Engravings to which the staidness
And knowledge of some old artist
Have communicated beauty,
Although the subject is gloomy,*

Приписывается
Каспару Кенкелю.
Портрет Олофа
Рудбека-старшего
1687
Холст, масло. 87 x 67

Attributed
to Kaspar Kenckel.
Portrait of Olof
Rudbeck the Elder
1687
Oil on canvas
87 by 67 cm

Луиза БУРЖУА
Скрещенные ноги
1990
Розовый мрамор

Louise BOURGEOIS
Jambes Enlacées. 1990
Pink marble

*"One sees, and it makes more complete
These mysteries full of horror,
Skinless bodies and skeletons,
Spading as if they were farmhands."*

The books of other anatomists, such as Val Verde and Eustachius, and the artist Pietro da Cortona, whose anatomical atlas was published in 1741, are presented alongside masterpieces of visual art, some of them depicting outstanding men of medicine. These include Adrien Baker's "The Anatomy Lesson of Dr. Frederick Ruysch", from 1670 and in the collection of the Amsterdams Historisch Museum, and the would-be-or-not "chef-d'oeuvres" – products of sophisticated projects by contemporary artists who use their own body as a means of artistic self-expression, context and subject matter. Thus Mona Hatoum participated with her video installation "Corps Etranger", from 1994, which makes the viewer travel into the insides of the artist's body to follow an endoscopy examination – such an installation being a real combination of art and medicine. Her other installation, "Exodus", comprises two separate suitcases linked by hair – a very impressive dramatic and, no doubt, polysemantic image in which the artist uses ready made and naturally-made elements. Another contemporary participant Jouni Partanen made in pencil a suite of very fine drawings of the penis; Marina Abramovich was "Freeing the Body" – her own body in one of the numerous performances. "Real", in other words traditional art was presented too; among the best, a brilliant marble sculpture by Louise Bourgeois, a matriarch of contemporary art.

The ideal (artistic), the real (scientific), and the hardly possible (anomalies and pathologies) are combined in the halls of the Nationalmuseum, and produce a very varied effect on the public. And though the exhibition is organized thematically, the

impatient viewer may switch his or her attention from the idealized beauties of Sandro Botticelli or Johan Tobias Sergel to a wax figure of an embryo, from the "Venus Cythereia" of Jan Massys to Jeanne Dunning's "The Blob II", or from Frederick Ruysch's preparations of the parts of human body to Jan van Neck's painting "Anatomy Lesson with Dr. Frederick Ruysch Dissecting the Corpse of a Child" ... This double – or even triple – reaction no doubt leads to a certain confusion in the viewer's emotional state, as fear and pleasure, curiosity and discomfort, surprise and indifference are mixed in the observer's mind and soul like juice and spirits in a cocktail. The confusion reaches an extreme when viewers are forced to ask themselves whether the impression matches that of an anatomical theatre or a Fine Arts Museum ...

Perhaps the only figures who seem not to be confused are the artists themselves: despite modern technologies, including photography and X-rays, newcomers to art schools are still making anatomical sketches of human skeletons and crania. Some such brilliant studies and sketches are also exhibited (for example, Lena Cronqvist's "Skeleton Torso").

The Stockholm exhibition enables the viewer to compare the old (classical) and the new (contemporary), as well as the new and the newest (actual). And here the unexpected juxtaposition provokes a stimulus, effectively asking how should we regard the bold artistic attempts of contemporary artists, which are sometimes almost too intimate to look at, turning the viewer or spectator into a spy. Mona Hatoum is not the only figure in the field of "actual" art who uses her own body as experimental material. The French artist Orlan experiments literally with plastic surgery, her message being: "Beauty can take appearances that are

Так, Андреас Везалий, вернее, его трактат 1543 года "De humani corporis fabrica libri septem" («Фабрика человеческого тела») «спровоцировал» впоследствии Шарля Бодлера на включение в «Цветы зла» следующих строк из «Скелета-землероба» (в переводе П.Антонкольского):

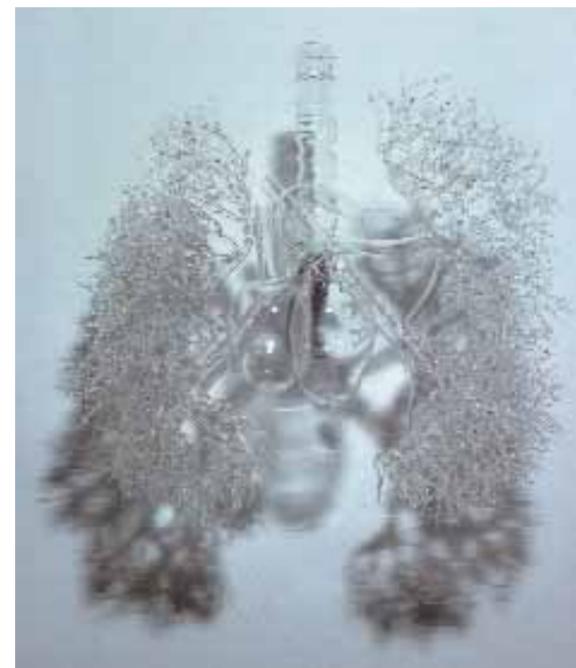
*...Заметишь рваные листы
Анатомических картинок.*

*Давно таблицы стерлись там,
Но кажется, художник ветхий
Подправил их иглою меткой,
Придал красоту их чертам.*

*И, чтобы таинство за гробом
Возможно явственной открыть,
Он предоставил землю рыть
Лишенным кожи землеробам.*

Столетия спустя изучение анатомии стало обязательным для студентов-художников, естественно, без освоения опыта аутопсии. На выставке в Стокгольме представлена картина Августа Мальстрема «Урок анатомии с профессором Карлом Курманом», на которой будущие художники внимательно следят за объяснениями преподавателя.

Если посещение выставки – это путешествие во времени, то легко заметить, что плавные периоды параллельного или взаимообусловленного развития сменяются неровными и нервными периодами расхождения: искусство то соединяется с наукой, то забегает вперед, а то задерживается на пару веков на уже достигнутом, не любопытствуя и не задаваясь излишними вопросами. Что же касается науки, то она не позволяет мозгу отдышать, вернее, это мозг подстегивает человека к познанию себя и мира. Камера-обскура и камера Люмьера,

открытие рентгеновских лучей, наконец, фотография (а ныне и кино/видеосъемка, и голография, и компьютерная томография) – все они вместе выбили почву из-под, казалось бы, вечных реалистических устоев изобразительного искусства. После (следует, правда, помнить старую истину: «после этого» не значит «вследствие этого») изобретения и введения в широкий обиход средств точной и долговечной регистрации любого объекта в искусстве произошел очевидный перелом: художникам и скульпторам стало казаться недостаточным только изображать венец творения, гармонизировать его и любоваться им... В попытках добраться до сути настал период разложения внешнего видимого объекта или

Анни КАТТРЕЛЛ
Доступ воздуха. 1998
Стекло

Annie CATTRELL
Access. 1998
Glass

Ян Сандерс
ван ХЕМЕССЕН
Хирург
Прадо

Jan Sanders
van HEMESSEN
The Surgeon
Prado Museum

субъекта на элементы, причудливого смешения элементов между собой, трансформации их, искажения, гиперболизации одних элементов и преуменьшения либо сокрытия других. Короче, начался великий художественный эксперимент над природой вещей и над человеческим телом, и этот эксперимент длится по сей день.

Подобно тому как медицина жадно совмещала описание нормы с изучением аномалий, так и художники с давних пор не переставали концентрировать внимание на человеческих уродствах, анатомической патологии и никому не доставляющих радости возрастных изменениях. Задолго до фотографической эры живописцы вместе с врачами пунктуально запечатлевали многочисленные отклонения от нормы. В экспозиции представлена изданная в Париже в 1772–1773 годах книга с рисунками одного из известных французских художников Жана Моро, сделанными с натуры и запечатлевшими гермафродитов (Jean Moreau. "Garson et Fille Hermaphrodites vis et dessines d'apres nature par un des plus Celebres Artistes"). В этом же разделе фигурируют и заспиртованные экспонаты знаменитой Кунсткамеры из Санкт-Петербурга. Ну а тем, кто не интересуется древними манускриптами или кому некогда заскочить в музей на Васильевском острове, пожалуй, достаточно было бы вспомнить сделанные с натуры рисунки Леонардо или Гирландайо или «обезображенные» богатым воображением художника XX века работы Фрэнсиса Бэкона, его знаменитых предшественников Пабло Пикассо, Сальвадора Дали или Виллема Де Кунинга.

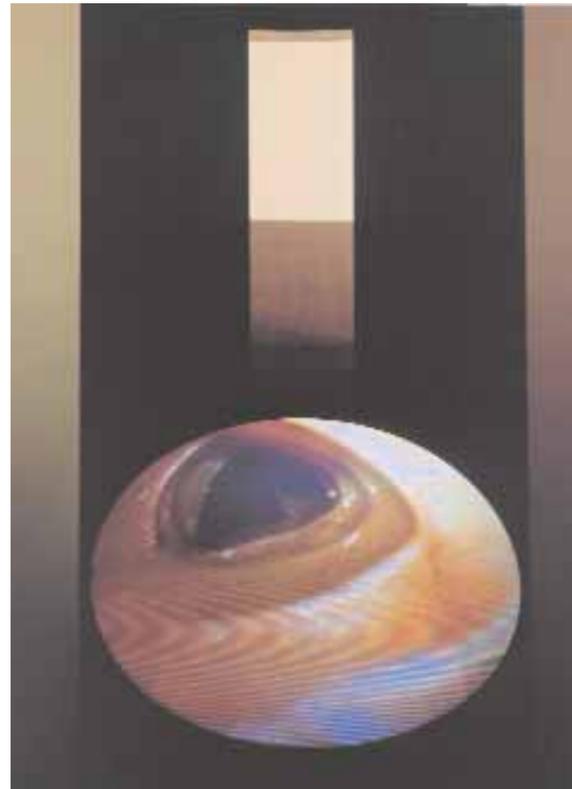
Выставка «Тело. Искусство и наука» наглядно демонстрирует все возрастающий интерес к этой теме современных представителей изобразительных искусств. Для нынешних художников, в особенности так называемых актуальных художников, собственное тело – неспособный наскутить эксгибиционистский объект и изображения, и бесконечных перформансов либо инсталляций. Как и великие мастера прошлого, но при этом вооружившись современными технологиями, они обращают свой взор внутрь человеческого тела, в том числе – своего собственного. Так, Мона Хатум, используя широко применяемый в медицине метод эндоскопии, представила на стокильмской выставке видеоинсталляцию "Corps etranger" («Незнакомое тело», 1994) – своеобразное озвученное (даже музыкальное) «путешествие» по внутренностям художницы. Впечатляет ее же инсталляция "Exodus" («Исход»), в которой два чемодана соединяются как бы проросшими сквозь фибровые стенки человеческими волосами.

Нетрудно догадаться, что активно ищущие новые пути соединения искус-

Павел ЧЕЛИЩЕВ
Внутренний пейзаж VII
(Череп) 1949
Бумага, уголь,
акварель
30,5 × 21,6

Pavel TCHELITCHEW
Interior Landscape VII
(Skull). 1949
Charcoal and
watercolour on paper
30.5 by 21.6 cm

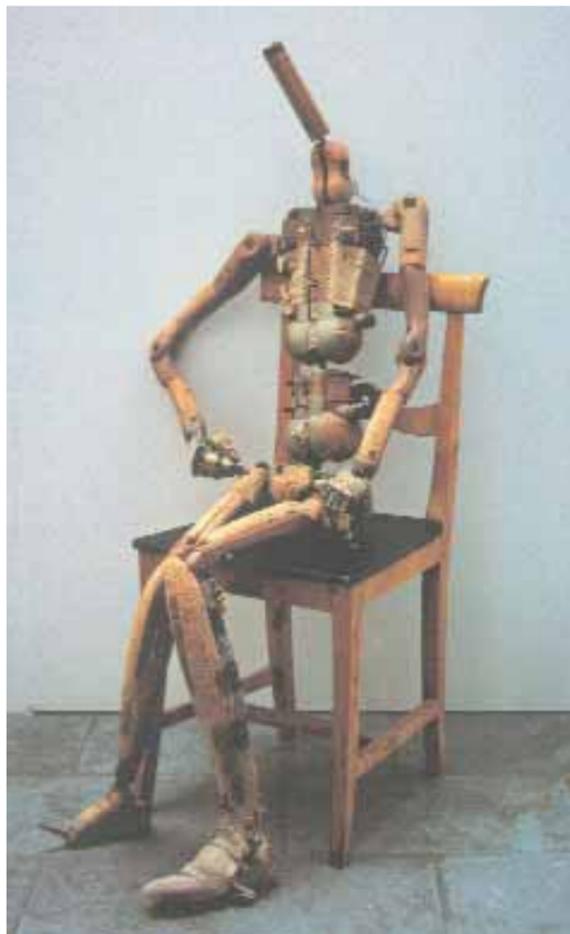
Мона ХАТУМ
Незнакомое
тело. 1994
Видеоинсталляция

Mona HATUUM
Corps Etranger. 1994
Video installation

not considered beautiful ... My problem was never to become more beautiful, but different ..."

This exhibition, although devoted to a certain – to some extent – limited theme, nevertheless provides considerable and invaluable data to speculate on the roots of the development of contemporary art in general. The juxtaposition of the classical and actual has brought to reality an urgent and topical question: What is art today? One answer might be that "actual" art is not the exclusive actual art. Such a term, "actual", means appealing to the humane, and not only using and applying the achievements of science, information and communication technologies, or installations and happenings. Both the so-called "traditional" Marc Quinn and Louise Bourgeois are no less actual than Orlan or Mona Hatoum. Contemporary artists working in traditional manners with the depiction of the human face and body are certainly actual, and some of them – who knows which indeed? – will be in time called "classics", just as the very notion of the "classical" might refer not only to the art of a glorious past, but to a mark of quality in art.

One thing is clear: beautiful or ugly, normal or abnormal, young or old, live or dead – the human body will remain a target-subject for art and science forever. The exhibition at the Stockholm National Fine Arts Museum represents a superb landmark on the eternal route of travel in search of human – and humankind's – bodily identity.

Женщина-манекен.
1843

Female-Mannequin.
1843

ства и жизни неоднократно посещала идея, в чем-то оригинальная, а по «гамбургскому счету» – не очень: подменить изображение (на холсте, на видеопленке, на других носителях) тела непосредственно живой плотью, т.е. самим телом. Например, в 1993 году Бернар Базиль выставил в Центре Помпиду «живую» картину – живую обнаженную женщину. Неумомимая Марина Абрамович предстала на стоковольской выставке в привычном для себя обнаженном виде в видеоинсталляции «Освобождение тела». Вспомним еще, как австрийский художник Арнульф Райнер обращается к «языку тела», создавая из лица фарс-гротеск-шарж, или знак «автопластики» (серия "Face Farces", 1974). Орлан с завидным рвением проделывает опыты с собственным лицом, чтобы испытать возможности пластической хирургии и попытаться стать «другой», разрушая тем самым устойчивые идеалы красоты. Ну а компьютерные искажения (местами остроумные, местами страшноватые, местами вообще неопишеские) электронных фотографий человеческого лица и тела столь многочисленны, что не стоит и пытаться перечислять их.

Таков современный виток соединения искусства с медициной, но вот смысл деяний художников от многих зрителей, даже искушенных, временами ускользает. Да, актуальное искусство, построенное по законам шоу-бизнеса, почти всегда эпатажно, местами остроумно, часто красиво, к тому же по большей части демонстрирует нетривиальный взгляд на злободневные проблемы. Однако возникает ряд вопросов, которыми задаются многие: что представляют собой видеоинсталляция Моны Хатум, опыты Орлан (с ними могли познако-

миться москвичи на ее недавней выставке фотографий), работы известного американского фотографа Пэт Йорк, которые она сделала в анатомичке (они выставлялись в Москве в 1999 году), или фотографии Клаудии Фехренкемпер, экспонировавшиеся в мае нынешнего года в Гамбурге на выставке «Личинки – эмбрионы» ("Imago – Embryo"), и работы других художников (в том числе участников недавней Московской биеннале или 9-й Международной художественной ярмарки «Арт-Москва»), использующих в своем творчестве достижения высоких технологий, – сросшаяся с современными технологиями наука, или искусство, или нечто третье? И не приведут ли подобные опыты к выхолащиванию самого ценного – личности Художника? А тем самым – к частичному размыванию субъективного, разрушению индивидуального, растворению креативного в технократическом? Или технологические методы, в том числе и новейшие достижения в медицине, оптике, химии (новые полимеры, новые пигменты...) или микроэлектронике, являются фундаментом для реализации «самости» художественной личности нового типа?

Стоквольская выставка не только ставит серьезные вопросы, она также дает возможность по достоинству оценить талант и выучку современных художников, работающих в русле реалистических традиций и создающих удивительные по своему мастерству и выразительности произведения. Примером может служить уже упоминавшаяся скульптура патриарха (хотя можно назвать ее и матриархом) мирового искусства Луизы Буржуа, работы современных скандинавских художников. Если они выполнены в веками испытанной

Бернар БАЗИЛЬ
«Живая» картина.
1993
Центр Жоржа Помпиду

Bernard BAZILLE
"Live" picture. 1993
Centre Georges Pompidou

ОРЛАН
Опыт
самогибридизации
2001

ORLAN
Self-Hybridation
2001

Пер ВИЗЕН
Волчок. 1998
Скульптура из воска и
волос

Per WIZEN
Spinning Top. 1998
Sculpture in wax and
hair

технике, то что же, они не актуальны? Право, трудно в это поверить.

Но разве можно собрать под крышей одного-единственного стоковольского музея все то, что пусть реалистично, пусть искаженно изображает человеческое тело и достойно быть выставленным: мастеровитое, талантливое, временами – кто знает – великое и гениальное? При отсутствии временной дистанции «сбиваются» ориентиры и «буксуют» критерии, а масштаб становится, увы, почти неразличимым...

Потому вывод таков: каждому зрителю следует доверять собственному художественному вкусу и уметь видеть в современном непреходящее. Экспозиция «Тело. Искусство и наука» не закрывается, наоборот, она выходит за стены музея в Стоквольме. Своеобразное продолжение ее – в любой галерее современного искусства во всех городах и странах, где найдется соответствующая фактура, помноженная на талант и окрашенная свежим эстетическим чувством. Подобному подходу к теме «Тело. Искусство и наука» учит, хоть и неявным образом, стоковольская выставка. Это тот случай, когда неявное обучение эффективнее лобового.